

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩИНЫ. ШКОЛЬНАЯ СИСТЕМА БЕЛОРУССКОГО МЕНЬШИНСТВА В ПОЛЬШЕ

Адам Бобрык, Цезарь Калита

Естественно-гуманитарный университет, г. Седльце, Польша

Белорусская диаспора является одним из девяти меньшинств, признанных законодательством Республики Польша. По данным национальной переписи населения и проживания, проведенной в 2011 г., 43878 человек задекларировало белорусскую на-

циональность, что составляет 0,11 % населения Польши. Они составляют вторую по численности национальную диаспору после немцев [14]. При этом, в сравнении с данными предыдущей переписи 2002 г., обнаруживается уменьшение числа лиц, демонстрирующих свою принадлежность к белорусскому народу. На момент начала XXI в. это число составляло 47640 [7, с. 96]. Одновременно была отмечена тенденция к ограничению пространственной концентрации. Также следует обратить внимание, что характерной чертой данной национальности является высокий коэффициент компактного проживания. В 2002 г. 96,6 % граждан, задекларировавших свою принадлежность к белорусскому народу, проживало на территории подляского воеводства [7, с. 15]. Тогда как в 2011 г. на данной территории проживало 87,4 % от общего числа белорусов [14].

Территориальная интегрированность общины имеет основополагающее значение для ее целостности. Факт, что белорусское меньшинство сконцентрировано на территории практически лишь одной единицы административного деления, т. е. Подляского воеводства, влечет за собой определенные последствия, которые являются результатом специфики данного региона и его демографической структуры. Прежде всего доминируют деревни и небольшие поселки городского типа, а также одна городская агломерация – Белосток [9, с. 321–325]. Угрозой для целостности белорусской диаспоры является не наплыв лиц иной национальности, а именно отток лиц белорусского происхождения с этих земель и миграционные процессы внутри воеводства. Отсюда и возникает столь значимая роль системы национального образования в конструировании общностной идентичности белорусского народа, потому как она особенно сильно воздействует на молодежь в период первичной социализации [8, с. 161–176].

Определяющее значение для выбора места проживания белорусского меньшинства, его общественной жизни, институциональной активности на протяжении поствоенного времени имела политика властей, которые определяли пределы допустимого. Подход к восприятию возможностей групповой реализации прав и культивирования языка и культуры отдельных народов менялся, что затронуло также белорусов. Тем не менее уже в самом начале власти разрешили белорусской системе образования функционировать. Приведем следующий пример: спустя два месяца после освобождения восточных территорий Польши от нацистской оккупации, в октябре 1944 г., действовало 115 школ, где обучение велось на белорусском языке. Однако их число стало быстро сокращаться, что обосновывалось уменьшением числа проживающих в Польше белорусов, которые переезжали в БССР. Это не отвечало действительности, а лишь было проявлением реализации политики по созданию мононационального государства. К концу 1947 г. число белорусских школ было ограничено до шести [13, с. 31, 41, 51].

Резкое сокращение числа белорусских школ в результате чисто политических действий связано с изменением модели структуры государства. Была принята модель однородной национальной общности. Реализации данной цели служили другие типы общностей, которые по определению являются монотипами, т. е. всякая общность старается ограничить любые альтернативы, выходящие за пределы ее однородности. Это означает одну партию (политическую общность), одну культуру, историю и т. д. А в конце концов один тип школьной системы с единообразной программой, охватывающей всю общность. Остальные национальности, и белорусское меньшинство здесь не исключение, могут быть тогда подвержены процессу ассимиляции, что на практике означает уничтожение всяческих особенностей и растворение в доминирующей общности. Общность не приемлет конкуренции, проявляющейся в существовании других общностей [16].

Повторный расцвет белорусской школьной системы начался в 1949–1950 гг., что стало результатом не столько смягчения политики национальной общности поляков, сколько ее успехом, т. е. до 1950 г. из Польши были переселено 3,5 млн немцев. Небольшое участие белорусского меньшинства в демографической структуре способство-

вало расширению общественного одобрения данной политики. Тогда действовало 39 начальных школ и две средние школы, где преподавание велось на белорусском языке, а также 20 учреждений, где белорусский язык входил в перечень предметов обучения [5, с. 109]. До конца шестидесятых годов расширялась сеть образовательных учреждений. В 1967–1968 гг. существовало уже 30 белорусских школ, а также 139, где данный язык можно было выбрать в качестве факультатива. В них обучалось 12003 ученика [20, с. 164]. Такая ситуация одновременно приводила к появлению опасений среди большинства. В обществе появились мнения, что организационная активность и функционирование белорусской системы просвещения является подготовительным этапом в операции по «отрыву белостокского района от Польши» [11, с. 75]. В начале семидесятых годов в результате изменения государственной политики сеть образовательных заведений была существенно ограничена. В 1972 г. последние девять школ были преобразованы в учреждения, где белорусский язык был факультативным предметом. В таком виде система образования стала существовать на постоянной основе [5, с. 109]. Так, в 1986–1987 гг. белорусский язык был факультативным предметом в 60 начальных школах и двух средних школах, в которых в совокупности обучалось 4343 ученика [18, с. 98–99].

Ограничение пределов функционирования системы белорусского образования бесспорно являлось результатом существовавших на тот момент политических трендов, когда повсеместно продвигалась идея морально-политического единства народа. Данная концепция подразумевала отождествление гражданства и национальности, результатом чего было существенное ограничение действий, производимых национальными группами [3, с. 74]. Как указывает Евгений Миронович (Eugeniusz Mironowicz): «Декларирование чувства принадлежности к белорусскому национальному меньшинству стало восприниматься как проявление национализма» [12, с. 23]. Однако следует отметить, что, с одной стороны, власти препятствовали развитию белорусского просвещения, вводя многочисленные барьеры, но, с другой стороны, заботились о том, чтобы оно не было уничтожено полностью [2, с. 145]. Это должно было создавать видимость открытости системы и демонстрировать политику интернационализма.

Существенные изменения имели место в период общественно-политической трансформации в Польше в конце восьмидесятых годов. Были ликвидированы все формальные и неформальные ограничения для деятельности национальных меньшинств, которые получили тогда карт-бланш для любых действий. Они также получили в свое распоряжение правовые инструменты для обеспечения развития их институционального быта. Ключевым документом, касающимся образования, стал Закон от 7 сентября 1991 г. «О системе просвещения». В ст. 13 данного документа было указано, что задачей школ является обеспечение «поддержания чувства национальной, этнической, языковой и религиозной идентичности посредством обучения языку, а также собственной культуре и истории» среди детей и молодежи. Одновременно говорилось, что «соответствующий министр по вопросам просвещения и воспитания принимает меры с целью популяризации знания о истории, культуре, языке и религиозных традициях национальных и этнических меньшинств, а также общностей, пользующихся региональным языком» [24]. Позже в Конституции Республики Польша от 2 апреля 1997 г. было гарантировано, что «национальные и этнические меньшинства имеют право создавать собственные образовательные и культурные институты, а также учреждения, обеспечивающие сохранение их религиозной самобытности, а также участвовать в разрешении вопросов, касающихся их культурной идентичности» [10].

Данные изменения парадигмы в отношении меньшинств были своего рода выражением чувства польской национальной общности, что отразилось в большей открытости для других. Поствоенные изменения границ (потеря приблизительно 200000 км² на востоке в пользу 100000 км² на западе), принудительное переселение немецкого мень-

шинства, исторический опыт политики уничтожения, реализуемой нацистскими оккупантами, изменение государственного строя привело к появлению большой неуверенности или даже страха по отношению к любому иностранному элементу, в особенности к меньшинствам [25]. Следующим этапом стал период стабилизации, когда положение меньшинств, в том числе белорусского, улучшилось.

В настоящий момент принципы и формы реализации публичными образовательными учреждениями задач по обеспечению поддержания чувства национальной и языковой идентичности среди учеников из числа лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, регулирует распоряжение министра народного просвещения от 14 ноября 2007 г. В соответствии с данным документом предусматривается обучение родному языку, географии государства, с культурным пространством которого данная общность ассоциируется, истории, культуре, а также художественным занятиям или иным дополнительным. В качестве минимального числа кандидатов, необходимых для создания самостоятельной группы в начальных школах и гимназиях, установлено семь человек, тогда как на уровне средней школы – 14. В случае, если количество кандидатов меньше установленного числа, могут быть созданы группы, объединяющие несколько направлений, классов или школ [19]. Право меньшинства на получение образования на родном языке гарантируется также Законом от 6 января 2005 г. «О национальных и этнических меньшинствах и региональном языке». Необходимо подчеркнуть, что из средств государственного бюджета финансируется публикация учебников для школ меньшинств и их бесплатная передача ученикам [4, с. 353–354].

После установления демократического режима возросла групповая активность белорусского меньшинства. Появилась также возможность сотрудничества между различными организациями и школьными учреждениями, что обладает значительной образовательно-воспитательной ценностью. Как указано в «Стратегии развития образования белорусского меньшинства в Польше», белорусские организации «предлагают детям и молодежи многочисленные образовательные занятия посредством организации, например: хоры и музыкальные коллективы, театральные занятия, музыкальные, художественные и журналистские семинары, занятия по риторике, занятия по этнографии. Благодаря предлагаемым формам внеклассных и внешкольных занятий молодое поколение белорусов в Польше может развивать собственные интересы и приобретать дополнительные знания, которая отсутствует в обязательной образовательно-воспитательной программе. Общественные организации активно пропагандируют идею культивирования национальной самобытности среди белорусских общин, а также выполняют важную интегрирующую роль родителей детей, изучающих белорусский язык» [22, с. 22]. Появился ряд новых инициатив, популяризирующих обучение и предоставляющих шанс верификации знаний в различных конкурсах и олимпиадах.

На уровне высшего образования молодежь может продолжать обучение по направлению белорусской филологии или направлениям, где специализация связана с национальными меньшинствами. Привлекательность белорусской образовательной системы также обеспечивает сотрудничество с Республикой Беларусь. Начиная с 1990 г. молодежь участвует в ряде мероприятий, организуемых на исторической родине, а также поступает там в высшие учебные заведения. Возросла также интенсивность взаимных контактов и популяризации культуры [21, с. 92–93]. Благодаря полученному образованию и знанию языка увеличиваются шансы найти работу, связанную с международной кооперацией. Принадлежность к национальному меньшинству, в силу возможности функционировать в двух отличающихся общностях, создает определенные преимущества. Парадоксально, но чем сильнее историческая родина с политической и экономической точки зрения, тем сильнее гордость за принадлежность к народу, функционирующему в условиях меньшинства в государстве проживания. Это также должно вести к возрождению уже ассимилировавшейся национальной идентичности.

Тем не менее необходимо обратить внимание, что, несмотря на благоприятствующую обстановку, следует отметить падение числа учеников и ограничение сети школ. После политической трансформации в Польше в 1990–1991 гг. действовало 48 начальных и две средние школы, где обучалось в совокупности 3677 учеников [22, с. 10–11]. Тогда как в 2015–2016 гг. существовало, соответственно, 25 начальных школ, 17 гимназий и три лицея, тогда как количество учащихся упало до 2909 [15]. Данное положение можно объяснить следующими причинами. Во-первых, в Польше наблюдается резкий демографический спад, который касается также меньшинств. Во-вторых, ситуация обуславливается ассимиляционными процессами. В-третьих, свой отпечаток накладывают миграционные процессы и территориальное ограничение концентрации белорусской диаспоры. В-четвертых, общегосударственная тенденция, которая ведет к упразднению небольших деревенских школ при одновременной дотации на образовательные учреждения меньшинств.

Как утверждает Ельжбета Чиквин (Elżbieta Czykwin), что касается родного языка, среди белорусов наблюдаются две тенденции: «С одной стороны, образованные и осознающие свое происхождение белорусы стараются культивировать свой язык, являющийся ключевым компонентом этнической и культурной идентичности, а также в качестве фактора, объединяющего поколение. (...) С другой стороны, меркантильный и прагматичный подход склоняет молодежь забрасывать языковые традиции предков» [6, с. 36]. Определенное влияние на ограничение пределов самоидентификации с родным языком и белорусской диаспорой, по мнению Евгения Мироновича (Eugeniusz Mironowicz), оказала миграция из деревни в город, где их общность являлась меньшинством, а также повсеместное посещение образовательных заведений, где языком обучения был польский. Автор подчеркивает, что не принималась в расчет специфика, связанная с историей или культурой Беларуси, в отличие от достижений польского народа. Одновременно исследователь говорит, что ассимиляционные процессы протекали гораздо медленнее в тех населенных пунктах, где функционировали белорусские школьные учреждения [11, с. 82, 88].

Анализируя развитие белорусской диаспоры в Польше в контексте прогноза ее развития, необходимо определить ее сущность и основную угрозу для нее – возможность захвата альтернативной общностью, т. е. польским большинством. Теоретический материал для подобного анализа предоставляют антропологи культуры. Зигмунт Бауман (Zygmunt Bauman), подкрепляя свою позицию идеями Роберта Редклифа (Robert Redfield), изложенными в его труде с характерным названием «Малые общности» [17, с. 1–182], выделяет в совокупности три условия, которые должна выполнить общность, чтобы сохранить свою целостность. Так, она должна однозначно отличаться от иных социальных групп или объединений, обеспечивать все потребности своих членов (самодостаточность), а также обладать малыми размерами [1, с. 20–21]. Бауман пренебрегает четвертым условием, необходимым по мнению Редклифа, что группа должна также быть однородной, чтобы ее можно было классифицировать в качестве общности [17, с. 4]. Данное условие выполнимо благодаря «блокированию каналов коммуникации, связывающих ее с остальной частью обитаемого мира», что должно гарантировать однородность и одинаковость общности [1, с. 21]. Именно отсутствие коммуникации с альтернативными общностями является ключом к сохранению связности общности, а также ее бытия и неизменности.

Деление на «мы» и «они» придает однозначности членам общности, определяя их не столько описательным образом, а скорее, здесь применимо правило, что «мы» отличаемся и не похожи на «них». Поэтому весь общностный нарратив в данном случае ограничивается утверждением, что «они – это не мы, и все». Небольшие размеры общности, хотя и неопределимы более точным образом, гарантируют «близкое» взаимодействие, в рамках которого «коммуникация между посвященными носит многосторонний харак-

тер и наполнена смыслом, а следовательно, сигналы, временами приходящие извне, ставят в невыгодном свете по причине их относительной редкости, поверхностности и общего характера» [1, с. 20]. В небольшой группе намного лучше налажена коммуникация, что приводит к ослабеванию значения поступающих к ней сигналов или внешней информации, относящейся к ней. Парадоксально, что коммуникационная близость ограничивает ее способность к рефлексии всей общности. Тогда как самодостаточность опирается на изоляцию или отсутствие какого-либо интереса к тому, чтобы покинуть собственный круг. Поскольку всего можно достичь в пределах нашей общности, отсутствует смысл выхода за ее пределы и если она удовлетворяет наши потребности, т. е. исправно функционирует, нет смысла рассуждать над ее природой (однако сегодня трудно добиться выполнения данного условия, в особенности по отношению к национальному меньшинству).

Когда эти три условия (четыре параметра маленькой общности) исполнены, общность продолжает существовать, а коммуникация протекает лишь внутри общности, и не направлена на самоанализ – общность становится чем-то естественным. Поскольку все в ней хорошо функционирует, она не является какой-либо теоретической (или практической) проблемой для своих членов. Это некоторая идеализация общности как чего-то, что может функционально работать без каких-либо помех. Условием данной идеализации является изоляция от внешней коммуникации: члены общности не могут сравнивать себя с иными общностями себе во вред. Однако «одинаковость улетучивается, когда коммуникация между членами общности и внешним миром становится более интенсивной и приобретает большее значение по сравнению со взаимными контактами между членами общности» [1, с. 21].

Общность направлена на внутреннюю коммуникацию, тогда как угрозой для нее становится коммуникация извне. Когда последняя начинает доминировать, это происходит в ущерб внутренним взаимосвязям. Изоляция является самым простым способом обезопасить общность от уничтожения. Изоляция общности также отображает радикальность перемен, которые происходят в результате внешней коммуникации, которая связана с культурной диффузией, но взаимное проникновение культур носит односторонний характер. В более сильной играет существенную роль не параметр физической силы, а численность. Введение какой угодно культурной информации едва ли ликвидирует общность, но со всей уверенностью ведет к ее деградации по отношению к ее внутренним правилам. Информация в данной образовательной системе преобразует общностную действительность. Необходимо также учитывать влияние миграционных процессов. Одним из существенных последствий миграции является затухание ранее существовавших общностей, которые идентифицировали личность и осуществляли контроль [23, с. 25].

Бауман полагает, что последний, или «смертельный удар общностному пониманию был нанесен развитием информатики: освобождение потока информации от привязанности к средствам передвижения» [1, с. 21–22]. Общность находилась постоянно под угрозой, но в результате функционирования общества, основанного на передаче информации, эта угроза приобрела постоянный характер. Распад общности в результате воздействия или даже самого существования информации стал фактом. Перегрузка информацией, которая сама по себе создает альтернативные варианты, ведет к тому, что «всякую однородность необходимо тщательно очищать от сплетений разнообразия посредством селекции, отделения и исключения; всякое единство нужно создавать; «искусственно создаваемое» согласие является одной из форм единства» [1, с. 22].

Выше приведенные теоретические размышления о сущности общности и угрозы для нее, появляющихся в результате контакта или самого факта коммуникации с другими, позволяют сделать вывод, что сохранение общности в ранее существовавшем виде не является возможным. Одновременно парадоксально, но коммуникация является

не только угрозой для общности, но также шансом для нее. Именно образовательная система обеспечивает исполнение условия коммуникации внутри общности, но приводит к обнаружению альтернативы по трансформации данной общности. Белорусское национальное меньшинство эволюционировало и продолжает эволюционировать. Образовательная система в определенных областях ускоряет данный процесс, а также его сдерживает. Белорусское образование в Польше не привело к остановке процессов ассимиляции и ограничению воздействия общности. Однако несомненно в значительной мере уменьшает количество негативных явлений. Она является одним из важнейших механизмов удержания групповой связности, формирования идентичности и совершенствования общности в условиях функционирования меньшинства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bauman, Z. Wspólnota. W poszukiwaniu bezpieczeństwa w niepewnym świecie / Z. Bauman. – Kraków, 2008.
2. Бобрык, А. Беларускае пачатковае школьніцтва ў Польшчы ў зменлівых умовах сацыяльнай сістэмы / А. Бобрык // Беларус. пачатковая школа: праблемы і перспектывы развіцця / ред.: Б. А. Крук [і інш.]. – Мазыр, 2005.
3. Bobryk, A. Policy and the national minorities in Poland. Social and philosophical aspect / A. Bobryk, C. Kalita // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2015. – № 11–12.
4. Bobryk, A. Wielokulturowość w edukacji. Szkolnictwo mniejszości narodowych, etnicznych i języka regionalnego w Polsce / A. Bobryk // Bezpieczeństw, edukacja, wychowanie, T. II Edukacja i wychowanie dla bezpieczeństwa w przeszłości i współczesnie, ред. S. Jaczyński, A. Araucz-Boruc, G. Wierzbicki. – Siedlce, 2015.
5. Chałupczak, H. Mniejszości narodowe w Polsce 1918–1995 / H. Chałupczak, T. Browarek. – Lublin, 2000.
6. Czykwin, E. Białoruska mniejszość narodowa. Problem asymilacji w kontekście stygmatu społecznego / E. Czykwin // Białorusini / ред.: T. Zaniewska. – Warszawa, 2010.
7. Gudaszewski, G. Demograficzno-społeczna charakterystyka obywateli polskich deklarujących „narodowość niepolską” w Narodowym Spisie Powszechnym w 2002 roku / G. Gudaszewski // Mniejszości narodowe w Polsce w świetle Narodowego Spisu Powszechnego z 2002 roku / ред.: L. Adamczuk, S. Łodziński. – Warszawa, 2006.
8. Kalita, C. Stereotypowy obraz Białorusinów w świadomości młodych Polaków z obszarów przygranicznych wschodniej Polski / C. Kalita // Stosunki polsko-białoruskie. T. II Społeczeństwo i polityka / ред.: S. Jaczyński, R. Pęksa. – Siedlce, 2009.
9. Kalita, C. Upośledzenie kulturowe dziecka wiejskiego a wyzwania ponowoczesności. Zanik socjologii wsi / C. Kalita // Dziecko wiejskie wyzwaniem współczesnej edukacji / ред.: M. Nowak, S. Nazaruk. – Biała Podlaska, 2009.
10. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. – Dziennik Ustaw. – 1997. – № 78. – Poz. 483.
11. Mironowicz, E. Białorusini / E. Mironowicz // Mniejszości narodowe i etniczne w Polsce po II wojnie światowej / ред.: S. Dudra, B. Nitschke. – Kraków, 2010.
12. Mironowicz, E. Białorusini w Polsce (1919–2009) / E. Mironowicz // Białorusini / ред.: T. Zaniewska. – Warszawa, 2010.
13. Mironowicz, E. Polityka narodowościowa PRL / E. Mironowicz. – Białystok, 2000.
14. Mniejszości narodowe i etniczne oraz społeczność posługująca się językiem kaszubskim – liczebność również według województw. – <http://mniejszosci.narodowe.mswia.gov.pl/mne/mniejszosci/wyniki-narodowego-spis/6999>, Mniejszosci-narodowe-i-etniczne-oraz-spolecznosci-poslugujaca-sie-jezykiem-kaszub.html#kraj.
15. Nauczanie języków mniejszości narodowych i etnicznych oraz języka regionalnego na poszczególnych etapach edukacyjnych. – <http://mniejszosci.narodowe.mswia.gov.pl/mne/oswiata/informacje-dotyczace-o/8128>, Nauczanie-jezykow-mniejszosci-narodowych-i-etnicznych-oraz-jezyka-regionalnego-n.html.
16. Plessner, H. The Limits of Community. A Critique of Social Radicalism / H. Plessner. – New York, 1999.
17. Redfield, R. The Little Community and Peasant Society and Culture / R. Redfield. – Chicago, London, 1960.
18. Romanowska, E. Szkoła białoruska w Polsce – od czasów II po III Rzeczpospolitą / E. Romanowska // Białorusini / ред.: T. Zaniewska. – Warszawa, 2010.
19. Rozporządzenie Ministra Edukacji Narodowej z dnia 14 listopada 2007 r. W sprawie warunków i sposobu wykonywania przez przedszkola, szkoły i placówki publiczne zadań umożliwiających podtrzymywanie poczucia tożsamości narodowej, etnicznej i językowej uczniów należących do mniejszości narodowych i etnicznych oraz społeczności posługującej się językiem regionalnym. – Dziennik Ustaw. – 2007. – № 214. – Poz. 1579.
20. Sadowski, A. Narody wielkie i małe. Białorusini w Polsce / A. Sadowski. – Kraków, 1991.
21. Siegień-Matyjewicz, A. J. Poczucie tożsamości narodowej młodzieży pochodzenia białoruskiego / A. J. Siegień-Matyjewicz. – Olsztyn-Warszawa, 2007.
22. Strategia rozwoju oświaty mniejszości białoruskiej w Polsce. – Warszawa, Białystok, 2014, машинопись.

-
23. Szacka, B. Wprowadzenie do socjologii / B. Szacka. – Warszawa, 2003.
  24. Ustawa z dnia 7 września 1991 r. O systemie oświaty. – Dziennik Ustaw. – 2004. – № 256. – Poz. 2572 z późn. zm.
  25. Zaremba, M. Wielka Trwoga. Polska 1944 – 1947. Ludowa reakcja na kryzys / M. Zaremba. – Kraków, 2012.